

Михаил Садчиков

«Рандеву со звездами»

«НАУТИЛУС» ВСПЛЫЛ В ПИТЕРЕ
(глава из книги)

**«Я грустный человек» (Вячеслав
Бутусов, «Наутилус Помпилиус»).**

ХЭЛЛО, АМЕРИКА!

«...уд бай, Америка, страна, где я не был никогда...» — кто не знает этот хит Славы Бутусова? До 13 июля 1990-го ни Слава, ни его друзья по нынешнему составу группы не посещали Америку — причем ни Северную, ни Центральную, ни Южную. Как-то все недосуг было! Дома важные дела отвлекали: то талоны на сахар отоварить, то на водку, то колбасу добывать. Но, презрев всяческую суету, нашли толкового спонсора — объединение «Уралмет», согласное помогать музыкантам и в рублях, и в валюте. «Вы что, так усиленно рекламируете хэви-метал «Уралмета» на Западе?» — спрашиваю ребят. «Да нет, — отвечают. — Тут скорей исконно свердловский патриотизм». Итак, наутиловцы решили нарушить обет. У них на руках имелась красивая бумажка с печатными английскими буквами — приглашение на нью-йоркский «Новый музыкальный семинар». Они, как и требовалось, послали за океан демокассеты — видео, аудио плюс фотографии, и если бы ждали официального письма с подтверждением, то оказались бы в дураках. Письмо, посланное из Нью-Йорка в мае, прибыло в Ленинград в августе, то есть уже после возвращения «Нау» из Штатов. Слава богу, есть телефоны, есть телефаксы, а на совковую почту (грубовато? Да нет, еще мягко по отношению к этой организации!) надежд нет.

Достать билет до Нью-Йорка — проблема адская, но не для суперпопулярной группы и ее расторопных администраторов. Всегда найдется некто, который пообещает достать билет. Вот и тут ребятам назвали имя мистера Х, который работает в Шереметьево-П и делает день в день билеты хоть до Луны. Они приехали в Шереметьево и там узнали, что названный им гражданин в аэропорту... не работает. До вылета оставалось

5 часов (пять!), но их хватило, чтобы начать атаку на девушек-администраторов-кассиров: в ход пошли плакаты, автографы, чарующие улыбки. Итог? Тут же были найдены четыре билета на аэрофлотовский самолет, а задержавшиеся на сутки не сильно горевали, так как назавтра улетели на «Пан-Америкэн». Вот что такое всенародная любовь! (Правда, в каждом из самолетов оказалось еще по 15—20 пустых мест, как объяснили специалисты — на всякий случай, например для депортации трудящихся.)

В Нью-Йорке их поселили в одну из самых крутых гостиниц — «Мариот Маркус Хотел», в народе именуемый «Мариот Маки», где в 1989-м советской миссии в ООН вручали награду для М. С. Горбачева как «человеку года». «Не желаете ли чашечку кофе?» — «О'кэй, плиз!» — «С вас 12 долларов». — «Ск-о-ль-к-о?» Ребятам из «Нау» надо отдать должное — кофе они все-таки выпили. Один раз... К тому же оказалось, что гостиница для них заказана на одни сутки, а дальше либо плати по 150 долларов в сутки, либо «Гуд бай, Америка!». Они нашли третий вариант — с маленькой помощью своих друзей поселились кто где, в разных концах Нью-Йорка, города, который им в первые дня два страшно не понравился («Грязища и на улицах, и в транспорте, миллион бомжей, которые цепляются, просят милостыню в валюте, а еще неизвестно, кто кому должен был помогать»), но потом очаровал их, сразу наповал, когда они присмотрелись, врубилась, въехали в то, как здесь нужно держаться, как себя вести.

Сначала они были больно уж зажатыми. Перед концертом в «Кэнче-Кастэвэй-клуб» в иных головах мелькала мысль: только ли освистают или еще и помидорами закидают? В тот вечер перед ними выступили группа Гуннара Грапса (играют все тот же донельзя утяжеленный вариант хард-н-хэви, но в последнее время ожили и даже подзацепились в Штатах благодаря интересу к ситуации в несоветской Прибалтике), приятная литовская команда «Бигс» и еще какая-то группа из Прибалтики, название которой никто не вспомнит. Вход — 5 долларов; клубик, по нашим масштабам, маленький, но недалеко русский ресторан, где тотчас образовалась команда зрителей-перебежчиков, а так — проститутки, представители нашей миссии в ООН, алкаши, наркота и ряд специалистов, прибывших на этот самый «Новый музыкальный семинар». Человек 50—60

набралось плюс на балконе народ столпился. В ноль часов по местному «Наутилус» вышел на сцену, и, хотя долго ждали, перенервничали, не имели времени настроиться, концерт был не провальный. «Русские стояли на ухах, американцам тоже вроде понравилось — полтора часа отыграли, а получили два десятка предложений: от Австралии до Новой Зеландии».

Ребят пригласил выступить господин Гомельский, некогда одессит, имевший менеджерские дела с «Роллинг стоунз» и еще многими звездами, и два таких концерта для друзей состоялись прямо у него дома, «на квартире», где нашлось место для 150 зрителей. Тут наутиловцы уже «въехали» в американский образ жизни, сбросили зажатость, стали свободными, сменили свои одежды на шорты, майки, благо жара была под 35 градусов. И это были сказочные концерты, лучшие для нового состава «Нау», а прием был феерический.

Всегда после таких рассказов музыкантов «о себе в заграницах» остается ощущение: не морочат ли тебе голову, не раздувают ли происходившее? Есть у наших артистов такая черта, и хоть рокеры ей подвержены в меньшей степени, но и они грешны. Тут же мы сможем проверить все вышесказанное, так как все эти июльские дни, с 13-го по 20-е, за ребятами по пятам следовала съемочная группа «Глобал вижион», и из того, что они наснимали, вполне может получиться классный фильм о том, как русская группа жила-поживала недельку в Нью-Йорке. Туда войдут фрагменты концертов, интервью со зрителями, музыкантами — все в ироническом, штатовском стиле. Экспериментальное творческое объединение «Наутилус Помпилиус» хочет такой фильм выпустить, так как ребята с «Глобал вижион» — хорошие друзья «НП» и часто наезжают в Союз на съемки, где все их желания выполняются в одну секунду.

— Ну а все-таки, как там Нью-Йорк, ребята?

— Классные девушки... Шикарные пляжи... Фантастические возможности...

Постскриптум к отчету о командировке: «Нау» дали пресс-конференцию с небольшим концертом и банкетом в советской миссии в ООН, показались трижды по ТВ, сняли в студии города Осеннинг клип по песне «Скованные одной цепью», который вскоре был представлен на конкурс в разделе «Лучшая иностранная музыкальная новинка года».

КОЛОМЯЖСКИЙ РОК-Н-РОЛЛ

А ведь долгое время считалось, что «Нау» — чисто русская группа и где уж ей на Запад. Но сначала не ладилось из-за неумного менеджмента гастролей «Нау». Так, весной 1990-го их вытащили на фестиваль политпесни в тогда еще Восточный Берлин, и вскоре донеслись слухи, что команда Бутусова провалилась.

— Какая-то доля правды в этом была. Мы не представляли, куда ехали, ведь на том фестивале любимцами публики оказалась — при выборе групп чуть ли не из ста стран! — чилийская команда. Очень котировались группы из Колумбии, Никарагуа... В общем, попали! Мы выскочили, две песни отыграли кое-как в жуткой «солянке», которая так и осталась фестивалем политпесни, хотя в Европе все переменялось.

Бутусов и теперь склонен к тому, чтобы петь по-русски даже там, на Западе.

— Если мы будем петь по-английски, это все равно будет выглядеть смешно, коряво, как выглядела бы английская команда, приехавшая в Союз и рискнувшая тут петь по-русски.

Значит, приходится «добирать очки» благодаря музыке. Прежний «Нау» во всех его нескольких составах отличался некой эстрадностью-шлягерностью в аранжировках. Всегда имелся синтезатор, а то и два клавишных инструмента, всегда был заметен сочный саксофон. Некоторые находили в этом стилизационный момент, ироническую игру, но Бутусов поразительно умел писать шлягеры и в ритме вальса, фокстрота, танго.

Ленинградский же вариант «Нау» поставил в тупик даже знатоков. Ни клавишных, ни сакса. Одна гитара, вторая, третья, бас и ударные. Чисто гитарная группа. Зрители, рвавшиеся на дебютные концерты Бутусова и К² в ДК Ленсовета, уходили «обломавшиеся».

— Зачем он переделал «Я хочу быть с тобой»? Почему не узнать «Князя тишины»? Почему не слышен Славин голос, а только эти гитары, гитары, гитары?..

Сами наутиловцы никакой трагедии в том не видели, по их мнению, просто концерты не удались. Не было энергетики, что-то не заладилось, переволновались, перегорели. Прибавлю к этому, что за десять лет я не видел в зале ДК Ленсовета ни одного толкового рок-концерта — явно не та сцена.

Коломяги... Дом в пригороде, а в двух шагах блочные корпуса новостроек озера Долгого, где, кстати, живу я. У нас — ни деревца, все вырублено строителями, а тут, в Коломягах, дом с печкой, гитарой в углу, низкими креслами, деревянным полом, той неухоженностью, которая выдает чисто мужскую компанию, с кофе из пиал.

Но к гитарному варианту, рожденному в ленинградских Коломягах (здесь у ребят не только дом, но и репетиционная точка в соседнем Доме культуры), нам еще предстоит присмотреться-прислушаться и либо принять его, либо отвергнуть.

Из США ребята вернулись на крыльях еще и потому, что там бы их прежний (клавишно-саксофонный) вариант точно провалился. В Штатах любят чистые продукты: рэп так уж рэп, гитарная группа так уж гитарная. Кстати, в Америке многие отмечали, что Слава Бутусов мог бы иметь успех как секс-символ — при его фактуре, но, конечно, потребовалась бы соответствующая «доводка» имиджа. Представляю себе реакцию Бутусова: усмехнется, и только.

СВЕРДЛОВСК, МОСКВА, ЛЕНИНГРАД...

Мы познакомились в 1988-м. Они приехали в Питер в зените славы. Не мальчиками из провинции, как когда-то в концерте «Рок-диалог: Свердловск — Ленинград» во Дворце молодежи, не разогревающей командой, как в 1986-м в одном выступлении с «Аквариумом» на пленуме Союза композиторов РСФСР (помню, во время этого концерта погасили свет и в зале раздался истошный крик: «Долой советских композиторов!»), приехали после оглушительного успеха в столице, после «бодрящих» финских гастролей — чуть ли не лидерами жанра, но попали в жуткий переплет.

На пути из Молдовы (тогда еще — Молдавия!) заглох трейлер с аппаратурой, которую музыканты арендовали у кооператоров. Пришлось переносить концерты, затем брать «аппарат» у нашего рок-клуба, но звучал он безобразно, отняв надежду разобрать стихи новых песен «Нау». К тому же комфортабельный «Октябрьский» зал, пережив в их первый день гастролей нашествие фанов (разбитые стекла входных дверей, порезанные и изрисованные фломастерами мягкие кресла

и стены, неподдающаяся объяснению «стрельба» по музыкантам зажженными бенгальскими огнями и окурками), принял сверхмеры для охраны порядка. Бутусов бродил за кулисами чернее тучи, с запавшими грустными глазами и на вопрос: «Как дела, Слава, как настроение?» — лишь рукой махал: «Сами не видите?!» К тому же злопыхатели поспешили пустить слухок: Бутусов не тот, продался «Росконцерту», заштамповался, завел себе наставницу Пугачеву, мотается по границам и вообще отступился от идеалов рока, отдавшись попсе. Неужели в этом была хоть капля истины? И приходило ли в голову Славе Бутусову и Диме Умецкому, новоиспеченным студентам Свердловского архитектурного института образца 1978 года, что, когда время поменяет две последние цифры в летосчислении, с ними произойдет то, что произошло?

Тогда, в 1978-м, они познакомились на «картошке», взяли шестиструнки и стали брэнчать на танцах, в агитбригадах, стройотрядах. Первый свой магнитофонный альбом записали на двухдорожечной «Иляти», в 1982-м выпустили в свет кассету «Али-Баба и 40 разбойников», а в следующем, когда пришла пора сказать «гуд бай» болевшему студенчеству, ребята записали первый более-менее стоящий альбом «Переезд» и дали своей группе имя жюльверновской субмарины «Наутилус». В те годы даже в Свердловске они были в тени «Урфина Джюса» и «Трека», а уж записи ленинградских лидеров штудировали как робкие ученики. Но тут произошло сближение Бутусова с поэтом Ильей Кормильцевым, писавшим раньше тексты «Урфину Джюсу», и новый тандем стал выдавать такое, что довольно скоро заставило о них говорить как об одной из самых больших загадок русского рока. До сих пор не было сомнений, что рок — это чисто авторский жанр, что лидер группы все пишет сам, а тут такое слияние, такое попадание! Альбом «Невидимка», далекого уже 1985 года, подарил меломанам не только уцелевшие со временем хиты «Гуд бай, Америка!» и «Князь тишины», но и явил миру группу ни на кого не похожую. Мелодии Бутусова просты и, честно сказать, не слишком оригинальны, но тексты Кормильцева в слиянии с такой музыкой обнажают иронию, боль, сарказм и постоянно раскрывают второй план. По логике композиторского и музыковедческого мышления то, что творил «Нау», ни в какие ворота не лезло, однако молодежь от двенадцати и старше приняла эти песни «на ура».

Вот так песни уральской команды с их магнитофонного альбома «Разлука» (записан в августе 1986-го) оказались тем самым «ударным инструментом, что пробьет все стены в мире». Триумф на фестивалях «Литуаника-87» в Вильнюсе и «Рок-панорама-87» в столице, сразу пять первых мест в годовом хит-параде «Московского комсомольца», приглашения на ЦТ, радио, на 12 концертов в Финляндию, благосклонность А. Б. Пугачевой, которая пустила ребят в свою студию (здесь и была записана фонограмма выпущенной в 1990-м пластинки «Князь тишины», новые версии с их магнитофонных альбомов 1985 и 1986 годов), предложила на выгодных условиях сотрудничество с ее хозрасчетным театром. И все это чудо сотворили не блат, не чьи-то родственники, не поддержка Запада, а всего-то шесть песен — «Казанова», «Ален Делон», «Шар цвета хаки», «Скованные одной цепью», «Я хочу быть с тобой», «Гуд бай, Америка!»

«Но эти шесть хитов и погубят „Наутилус“», — мрачно предсказал мой московский коллега Дима Шавырин и как в воду глядел. На фоне их тотального успеха этот прогноз выглядел поспешным, но вот настала осень 1988-го — и стали заметны симптомы вечной, как мир, «звездной болезни». «Наутилус» рвали на части, все поднимая и поднимаемая гонорары за концерты, но и число выступлений взвинчивая. Приезжала группа в какой-нибудь провинциальный город и давала там не один-два концерта, а 15—20! И дальше, не успев отдышаться, следовала в другой областной центр. Организаторы «спаривали» их с кем придется, и, к Примеру, в Сочи вместо отдыха на пляже пришлось трудиться в компании с Серовым и Кузьминым. Куда там Майклу Джексону или «Пинк Флойд», у которых годовое турне во круг света насчитывает пятьдесят—семьдесят выступлений. Для Бутусова и К' это была месячная норма.

— Я ловлю себя на мысли, что мне уже куда меньше, чем прежде, хочется играть концерт — даже в Ленинграде, — говорил Бутусов. — Это стало работой, командировкой, и мне стыдно перед своей семьей, дочкой, я их так редко вижу теперь. Я всегда был немного пессимистичен.

К этому времени из «Нау» уже ушел Дима Умецкий; женившись на москвичке, он переехал в столицу, но, главное, был убежден, что «Нау» зря встал на конвейер. Узел затягивался, и было ясно, что дальше такой

человек, как Бутусов, быть в зависимости от потогонной системы не сможет. Зимой 1988-го Слава бросил все и вся, оставил группу и вновь сошелся с Димой Умецким.

Они обосновались в Москве, жили у друзей на даче, давали одно за другим интервью. Говорили, что снимают на «Ленфильме» картину по своим песням. В 1990-м настал момент спросить: где ж он, этот фильм? Увы, его нет, и трактовка этого события весьма противоречива. Его нет и на полках «Ленфильма», так как по сути все кончилось на предварительной стадии обговоров, переговоров. Не слишком удачный клип «Боксер», который представлялся по ЦТ как фрагмент новой картины, тоже считать таковым слишком, так как для его съемки использовались декорации, уже бывшие в употреблении в картине режиссера Титова «Васька». Вам и сейчас могут сказать, что фильм, возможно, когда-то и будет, но что-то нереально предположить, будто нынешние наутиловцы найдут окно в 6—8 месяцев и, бросив концертную жизнь, займутся кино.

Так не был ли с самого начала весь этот киномиф красивым прикрытием для оправдания полугодовой паузы?

— Слава, можно ли сказать, что эти полтора года были для вас каким-то отдыхом?

— От безумства концертной деятельности — да. Но проблем навалилось миллион: когда начинаешь восстанавливать народное хозяйство, понимаешь, как это сложно.

— Но ведь теперь вы вернулись к тому, от чего ушли, — к концертной деятельности.

— Но стали умней — в каждом городе играем по четыре-пять концертов.

В это время ребята подолгу бывали на «Ленфильме», обзавелись тут друзьями, и когда вдруг Слава с Димой вусмерть разругались (причины? Финансы, творчество, женские интриги, козни менеджеров), то Бутусов не нашел себе лучшего места, как в рок-н-рольной Мекке — Ленинграде.

Здесь отыскал гитариста Лешу Беляева (экс-«Телевизор»), затем басиста Игоря Копылова, здесь встретился с Михал Михалычем Милагиным, который в свои 30 лет трудился главным инженером станции техобслуживания, но был готов к взлету и вскоре стал директором экспериментально-творческого объединения «Наутилус Помпилиус».

Отдавая дань уважения Ленинградскому рок-клубу за все светлое и чистое, Бутусов и «Нау» тем не менее не торопились стать его членами, как некогда появившаяся в Ленинграде «ДДТ», а гнули свою, независимую линию. В то время как многие свердловские рокеры поспешили обвинить «Нау» чуть ли не в конъюнктурщине, в отходе от идеалов уральского рока (в их число попал даже поэт Илья Кормильцев, гневно критиковавший новый «Нау» не раз и не два в прессе), Бутусов, оглядевшись и прижившись в Питере, начал, можно сказать, крупномасштабную операцию по переброске уральского рок-десанта на берега Невы. И вот уже в студию «Нау» пришли «Настя» и «Агата Кристи», не исключено появление и «Апрельского марша», а также создание в Свердловске филиала этой студии. Все верно: через Питер куда проще решать многие проблемы (оформление зарубежных документов, реклама, видео- и аудиозапись). К тому же в ситуации, когда интерес к року упал, требуется консолидация сил и единомышленников — иначе крышка!

— Да, жалко, что прошли золотые деньки для русского рок-н-ролла. Но надо радоваться, что такой период общего кайфа вообще был. Теперь, после медового месяца, все встает на свои места. Да, нынешняя ситуация тяжелее, зато реальнее и во многом справедливее...

Слава и его менеджерская команда показывают себя мудрыми политиками, но звездным часом этой их линии было бы, конечно, восстановление дипломатических и творческих отношений с Димой Умецким, и такие планы есть.

— Мое отношение к Диме тем не менее не изменилось, я его уважал и уважаю. Что случилось? Мы разошлись по личным мотивам — это самый банальный ответ, но мне трудно выносить на общий суд какие-то вещи.

Как бы то ни было, но сила притяжения между этими двумя столь разными личностями так сильна, что я вполне допускаю их очередное объединение. Так же, впрочем, как и их очередной разрыв. Слава явно более творческий, более талантливый музыкант и артист, чем Дима, но Умецкий — более деловой, общительный, он ярче, как личность, в быту, и здесь он лидер в их дуэте. Вот, мне кажется, причина всех их столкновений. Дима даже объявил о своих претензиях на название, но, надеюсь, до такого абсурда не дойдет, хотя

Слава может гастролировать и как «Группа В. Бутусова».

Постскриптум для творческого отчета студии «Нау»: у нее есть офис у Московского вокзала; имеются две машины (сам Слава машину не водит, говорит, что боится быть за рулем, но на то имеется штатный шофер), микроавтобус; есть планы выпустить два документальных фильма о группе помимо американского; выпущен новый магнитофонный альбом — «Наугад»; планируется организация туристской и рекламной деятельности. Дай-то Господь, а то многие студии и центры начинали громкими планами, но быстро стухли.

ОТЛОЖИВ ГИТАРЫ...

Бог мой, как хочется, чтобы субмарина «Наутилуса» всплыла во всей красе — в хит-парадах, в любви молодых слушателей, чтоб не обманула и старичков-меломанов. Надеюсь, всем уже ясно, что российская земля перестала рожать героев рок-н-ролла, славно потрудившись в 1980-х. После нелепейшей смерти Виктора Цоя мы должны быть архибережными к каждому такому имени, понимая, что они у нас на вес золота, платины, и того дороже. Кстати, 16 августа, в день, когда поступило сообщение о гибели Цоя, Бутусов летел в Ленинград и уже в самолете кто-то из поклонников, узнав Славу, попросил автограф и сообщил страшную новость. Но он не верил, пока не приземлился в Пулково. Раньше Слава не соглашался выступать в мемориальных концертах, а тут даже сам проявил желание — Цоя он любил! Правда, тот концерт в августе так и не состоялся.

Не будем же спешить с суждениями, загонять в угол рок-художников, пусть они экспериментируют, даже ошибаются, но помнят, как их любят, как ждут их песен. Оставим критический разбор песен нового «Нау» на потом — нужно выждать паузу — и расскажем лучше о том, что всегда интересует, обсуждается, коснемся некоторых немusыкальных моментов.

Итак, Бутусов Вячеслав Геннадьевич. «Я грустный, сомневающийся человек», — говорит про себя Слава, но друзья заметили, что в сомнениях, размышлениях он тем не менее очень твердо ведет свою линию и «уж если чего решил, то сделает». Грустный человек из Питера любит рисовать, недавно в Москве выпустил

книжку со своими художественными работами (стихи написал Илья Кормильцев, а предисловие — Андрей Макаревич). Слава курит, а из некоторых источников известно, что когда грусть-тоска его совсем съедает, то может и хорошо выпить с хорошими друзьями. Свою премию Ленинского комсомола, которую музыканты «Наутилуса», не знаю с какого перепуга, получили в 1989 году, Слава не стал, как Кормильцев, возвращать со скандалом, а тихо-мирно передал в детский дом и детский сад «Уралмаша».

Гитарист Алексей Беляев родился в Ленинграде. Он увлекается Голландией, причем не Новой, а старой — всамделишной, очень любит посещать это государство. После гастролей «Телевизора» в этой милой сердцу советского человека стране у Леши там появились друзья, и вместе со Славой они вдвоем нанесли друзьям трехдневный визит. Любит колдовать на записи со всякими «примочками», магнитофонами, техническими приспособлениями. Он технарь от природы. Холост.

Барабанщик Игорь Всеволодович Джавад-заде, которого все зовут просто Джавад, родом из Душанбе, играл в «Арсенале», а в «Нау» появился не без участия Кости Кинчева, который и посоветовал Бутусову посмотреть одного классного ударника. Он самый общительный человек в группе; когда ребята были в Германии, то Джавад умудрился даже в местном университете лекцию прочитать о перестройке, о великом и нерушимом Союзе, о положении музыканта, причем выступал не за марки, а за идею. Сегодня же барабанщик «Нау» — Альберт Потапкин.

Игорь Копылов (Гога) — ленинградец, до недавнего времени играл в питерской команде «Петля Нестерова», человек компанейский и «выпить не дурак», чрезвычайно обаятельный парень и супербасист в своем жанре. С «Петлей» не порывает до сих пор, продолжая в свободное от «Нау» время играть с Эдом Нестеренко в его отличной, хоть и не очень популярной команде. Так что больше всего желал бы восстановления дружбы Бутусова с Умецким именно Эд, которому этот конфликт стоил басиста.

Егор Белкин, свердловчанин, увлекается помимо гитары... гитарой, а помимо «Нау» имеет ряд собственных проектов — с той же «Настей», где выступает как композитор, аранжировщик. Со Славой они друзья детства, говорят, вместе в детсад ходили.

В студии сейчас трудится редактором и поэт Илья Кормильцев, свердловчанин, большой знаток Италии и итальянского языка, человек, с которым Бутусов написал свои лучшие песни.

Что ж, былые распри забыты. Команда снова вместе, хотя не обошлось и без потерь. Готов новый альбом «Наугад» — так что вперед, бутусовцы!

— Слава, у каждого композитора, мне кажется, есть свой запас, свой резервуар мелодий. И он отнюдь не бесконечен. Это касается и великих. Скажем, пластинки Пола Маккартни последних лет оставляют сильное впечатление, но все равно это повторы, вариации того, что когда-то он так ярко выплеснул. Не настает ли и у вас такой момент? Последние песни «Нау» наводили на мысль, что и у вас этот запас тает. Не ощущали ли этого сами?

— Ощущал, конечно. Это постоянно ощущается. Начинаешь сочинять аранжировку, придумываешь мелодию и вдруг понимаешь, что все это уже было. Поэтому нужно, видно, что-то менять в себе. Создавать такие условия, чтобы они меняли тебя.

— Про «резервуар» стихов и не спрашиваю. Сейчас весь рок-н-ролльный народ мучается: чем удивить? О чем петь?

— Нет, знаете, со стихами у нас новых проблем не возникало. Мы как пели всю жизнь об одном и том же, так и поем — меняется только форма и подача.